

КНИГА 4

ПЛАНЕТА
ПОД СНОМ

Сонные жилы

ВАЛЕРИЯ ДАРХАН

18+

Серия "Сонные жилы"

Валерия Дархан

**Сонные жилы. Планета
под сном. Книга 4**

«Автор»

2026

Дархан В.

Сонные жилы. Планета под сном. Книга 4 / В. Дархан —
«Автор», 2026 — (Серия "Сонные жилы")

После сбоя Счётчика, Глиса начинает просыпаться. Камни дышат, старые цены болят, а под шахтами на Земле открываются живые провалы. Катя слышит ритм планеты и понимает, что её любовь к Имрану стала не только спасением, но и опасностью для обоих миров. Когда Счёт предлагает вернуть утраченное ценой отказа от любви, Кате придётся решить, кому принадлежит её дыхание - Глисе, Земле или ей самой.

Содержание

Глава 1. Планета дышит	5
Глава 2. Старые цены болят	8
Глава 3. Глиса хочет связку	11
Глава 4. После ссоры	14
Глава 5. Та, которая была легче	18
Глава 6. Пуговица под языком	21
Глава 7. Первая Эллерова мать	24
Глава 8. Тот, кто носит чужую руку	27
Глава 9. Вода повторяет живых	31
Глава 10. Карта, которая дышала	33
Глава 11. Мягкая	35
Глава 12. Не моя мягкость	38
Глава 13. Счётчик	41
Глава 14. Один вдох	43
Глава 15. Ниже Совета	46
Глава 16. Очки в пыли	49
Глава 17. Карта под кожей	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Валерия Дархан

Сонные жилы. Планета под сном. Книга 4

Глава 1. Планета дышит

Камень под ладонью Кати был тёплый.

Это оказалось хуже холода.

Холод можно было объяснить Глисой, чужой ночью, провалом между мирами, сквозняком из шахты, пустотой, которая никогда не уходила до конца. Тепло объяснить было нечем. Скала не должна была дышать под пальцами. Не должна была медленно расширяться, будто в глубине у неё ходили рёбра. Не должна была отвечать на её кожу тихим, густым толчком.

Катя отдернула руку.

На запястье под грязной тканью рубашки шевельнулся знак. Тот самый, похожий то на рукоять ножа, то на ключ, то на ошибку, записанную прямо под кожу. Красная нить потемнела, натянулась и легла поперёк вен как тонкий ожог.

- Ты почувствовала? - спросил Саир.

Он стоял чуть поодаль, у края каменного уступа, и в его лице не было удивления. Только усталость человека, который давно ждал плохой новости и наконец получил её в правильной форме.

Катя посмотрела на него.

- Я почувствовала, как у мира пульс.

Саир не ответил.

Вот это уже было ответом.

Имран шагнул ближе. Без резкости, без приказа, но пространство между ними всё равно изменилось. Оно всегда менялось, когда он подходил. Воздух становился плотнее, темнее, теплее. В нём было слишком много тела: запах кожи после боя, сухой дым, камень, железо, что-то терпкое и живое, от чего Катя злилась на собственную грудь.

После третьей книги - после ножа выбора, синей пуговицы, Мары, Раисы, Лидии, чужих детских рук и красной нити, которая вытаскивала правду из земли, - она думала, что уже привыкла к нему рядом.

Не привыкла.

Имран поднял левую руку.

Культи мизинца, обычно скрытая перчаткой, была открыта. Кожа там снова разошлась тонкой синей линией. Не кровь. Свет. Холодный, как подземная вода. Он не капал, не тёк, просто стоял в ранке и делал его руку странно чужой.

Катя почувствовала, как внутри неё поднимается злость.

- Почему ты молчал?

Имран посмотрел на свою руку так, будто она принадлежала не ему, а старому долгу, который снова пришёл за подписью.

- Потому что сначала надо понять.

- Нет, - сказала Катя. - Сначала надо сказать. Потом понимать. Мы это уже проходили.

Его лицо осталось неподвижным, но под кожей у челюсти дернулась мышца. Катя знала этот знак. Имран не любил, когда его ловили на правде. Не потому, что хотел лгать. Потому что всю жизнь считал молчание способом не втянуть других в собственную цену.

Теперь это бесило её сильнее любой лжи.

Глиса вокруг них не спала.

Они стояли на каменной площадке над низиной, где раньше были серые травы и тусклая вода. Теперь трава светилась изнутри. Вода повторяла их дыхание с задержкой в один удар сердца. Вдалеке, за чёрными зубцами скал, город Эллеров стоял в синем предрассветном свете, и его башни казались не построенными, а выращенными из чужого сна.

Под городом что-то шевелилось.

Не нижний сон.

Глубже.

Саир наконец сказал:

- Старые цены проснулись.

Катя медленно повернулась к нему.

- Все?

- Те, которые были записаны неправильно.

Имран коротко выдохнул.

Катя услышала этот звук слишком ясно. В нём было признание, но не для неё. Для земли. Для того огня, который он не смог оставить в прошлом. Для девочек, которых спас. Для тех, кого цена потом вытаскила обратно в чужие схемы.

- Ты хочешь сказать, - Катя сжала пальцы, - что все, кто платил собой, теперь снова начнут платить?

Саир посмотрел на город.

- Я хочу сказать, что планета вспомнила, кто у неё брал.

Слово «планета» прозвучало грубо. Слишком земное, научное, сухое. Оно не подходило к Глисе с её тёмными травами, красными нитями, водой, которая забирала форму сна, и нижними голосами у дверей.

Но подошло к камню под ногами.

Подошло к пульсу.

Катя почувствовала, как холод поднимается по позвоночнику.

- Она живая?

Саир усмехнулся без радости.

- Этот вопрос Эллеры задают слишком поздно.

Имран всё ещё смотрел на свою руку.

Катя шагнула к нему. Злость никуда не ушла. Она просто стала горячее, ближе к боли. Ей хотелось схватить его за ворот, встряхнуть, заставить сказать всё сразу. Ей хотелось прижаться лицом к его груди и убедиться, что его сердце бьётся отдельно от проклятого Счёта. Ей хотелось ударить его. Поцеловать. Уйти. Остаться.

Любовь после всего пережитого оказалась не мягкой.

Она была как красная нить: режет, держит, не даёт сделать вид, что ты свободен.

- Покажи, - сказала Катя.

Имран опустил руку.

- Нет.

- Я не спрашиваю разрешения посмотреть на твою боль.

Он поднял глаза.

В них было столько усталости, что Катя на секунду почти смягчилась. Почти. Потом вспомнила его молчание, ложный палец, цену, которую он снова пытался утащить в себя, как волк уносит рану в лес.

- Не прячь от меня то, чем меня же потом ударит, - сказала она тише.

Имран медленно снял перчатку полностью.

Синий свет на месте мизинца пульсировал в ритме камня.

Катя взяла его за запястье. Кожа у него была горячая. Слишком горячая для человека, который стоял спокойно. Под пальцами мышцы напряглись, но он не отдернул руку.

Она провела большим пальцем рядом с раной.

Имран закрыл глаза.

Это движение пробило её сильнее стопа. В нём не было слабости. Там было доверие, которое он ненавидел в себе и всё равно дал ей. Катя почувствовала, как собственная злость изменила форму. Стала чем-то тёмным, голодным, опасно близким к нежности.

Синий свет потянулся к её красной нити.

Камень под ногами дрогнул.

Из низины донёлся звук.

Не гром.

Вдох.

Огромный, медленный, подземный.

Трава легла в одну сторону. Вода поднялась в чашах каменных ям. Город вдаль ответил тонким звоном, будто тысячи стеклянных дверей одновременно тронули изнутри.

Саир отступил на шаг.

- Убери руку.

Катя не сразу поняла, что он говорит ей.

Имран понял раньше. Он попытался высвободиться, но красная нить уже обвила его запястье и её пальцы вместе. Не больно. Хуже. Почти ласково.

Под каменной площадкой открылся глаз.

Не как у зверя. Не как у человека.

Глубокий круг света под прозрачным слоем скалы. Синий, чёрный, живой. Он смотрел не на них.

Через них.

Катя почувствовала, как воздух у неё в груди меняет ритм. Не задыхается, не рвётся, не просит. Настраивается.

Имран резко притянул её к себе, закрывая плечом от света, хотя от такого света нельзя было закрыть.

- Не слушай, - сказал он.

Голос у него был хриплый.

Катя прижалась ладонью к его груди и почувствовала, что его сердце бьётся в том же ритме, что камень.

Глаз под скалой медленно моргнул.

А потом из глубины Глисы женский голос произнёс её имя.

Глава 2. Старые цены болят

Голос назвал её не так, как звали люди.

Не «Катя». Не «Екатерина». Не тем коротким домашним звуком, от которого у матери сразу появлялась тревога в глазах.

Глиса произнесла её как вдох, который ещё не решил, станет ли жизнью.

Катя не знала этого имени. Но тело откликнулось.

Колени подломились. Имран успел удержать её, одной рукой за талию, другой - за затылок, резко, собственнически, почти грубо. Раньше она бы оттолкнула. Сейчас вцепилась в его плечо, потому что земля под ногами стала слишком мягкой, как кожа.

Саир выругался на языке Эллеров.

Каменный глаз под площадкой исчез, но после него мир не вернулся на место. Низина дрожала. Вода в ямах вспухала кругами. Светящиеся травы шептали друг о друга, и этот шёпот складывался в чужие слова.

- Уводи её, - сказал Саир.

Имран уже двигался.

Он поднял Катю на руки так легко, будто она ничего не весила. В другой ситуации она бы нашла силы возмутиться. Сейчас сил хватило только на злость, да и та лежала под рёбрами горячим камнем.

- Я могу идти.

- Можешь, - сказал Имран. - Но не сейчас.

- Опять решаешь?

Он посмотрел вниз, на неё. Взгляд был тёмный, злой, почти живой до боли.

- Да.

Вот за это она его и ненавидела.

И за это же сейчас держалась за его ворот.

Они вошли в город через нижние ворота. Катя видела всё рывками: каменные стены с прожилками синего света, лица Эллеров, которые отворачивались слишком быстро, женщин с перевязанными глазами, мальчика без тени, старика, который держал на ладонях чашу с водой, а вода в чаше дрожала в ритме Катиных лёгких.

В городе пахло грозой.

Хотя небо было чистым.

Старые цены просыпались не сразу. Они проступали по людям, как болезнь.

У женщины у колодца вдруг сорвался голос. Она попыталась позвать ребёнка и только открыла рот. На горле у неё расплзлась тонкая белая линия - старая плата за спасительный крик. Ребёнок подбежал к ней, заплакал без звука, и Катя увидела, как у него на губах выступили мамины слова, чужие, не произнесённые.

У мужчины у стены вспыхнули глаза. Один серый, другой чёрный. Потом оба стали красными, и он закрыл лицо ладонями, крича, что снова видит кровь.

На ступенях у храма Счёта сидела девочка лет четырнадцати и смеялась. У неё из волос сыпались сухие листья. Рядом на камне лежала прядь её памяти, тонкая, серебристая, как нитка старой паутины. Она отдала её когда-то за мать, которую теперь не могла узнать.

Катя смотрела и понимала: это не стихийное бедствие.

Это предъявление долга.

Имран нёс её быстрее.

- Поставь меня.

- Нет.

- Имран.

- Ты сейчас слышишь слишком много.

- А ты сейчас снова молчишь слишком много.

Он остановился так резко, что за его спиной кто-то едва не врезался в них. Катя почувствовала, как его пальцы сильнее сжались на её бедре и спине. Не больно. Но так, будто ему нужно было удержать не её тело, а весь остаток собственного самообладания.

- Хочешь правду? - спросил он.

- Всегда.

- Неправда.

Это ударило точнее, чем она ждала.

Катя замолчала.

Имран наклонился ближе. Между ними было столько воздуха, что хватило бы на один общий вдох. Его рот был рядом, но взгляд держал её жёстче любой руки.

- Ты хочешь правду, которую можно пережить, - сказал он. - А здесь такой не осталось.

Она хотела ответить резко. Хотела сказать, что он не имеет права защищать её от мира, в который сам её втянул. Хотела найти старую злость, удобную, прямую.

Не нашла.

Потому что вокруг люди теряли голоса, цвета, память и тепло. Потому что Глиса дышала под городом. Потому что синий свет из руки Имрана полз вверх по его запястью, а он даже не смотрел на него.

- Тогда дай ту, которая есть, - сказала Катя.

Он поставил её на ноги.

Не отпустил сразу. Дал телу вспомнить землю. Его ладонь осталась на её талии, тяжёлая, горячая. Катя ненавидела, что это помогает.

- Когда Эллер платит, - сказал Имран, - цена не исчезает. Она записывается. Мы думали, что в Счёт. В закон. В ткань сна.

- А на самом деле?

Саир подошёл сзади. Лицо у него было серое.

- В тело планеты, - сказал он. - В её сонную кору. Мы резали её и называли это магией.

Катя посмотрела на улицу.

На женщину без голоса. На мужчину, снова увидевшего красный. На девочку, которая смеялась над чужой матерью.

- Значит, она проснулась и решила вернуть всем боль?

- Нет, - сказал Имран.

Катя повернулась к нему.

Он впервые выглядел испуганным.

Не за себя. Это было бы проще.

- Она не возвращает боль, - сказал он. - Она пытается понять, кому она принадлежит.

В этот момент вдалеке ударил колокол.

Один раз.

Потом второй.

Потом весь город качнулся от третьего удара, и на площади перед храмом Счёта поднялся чёрный столб воды.

Вода приняла форму женщины.

Высокая, тонкая, без лица. На месте глаз - два провала, на месте рта - горизонтальная линия, как разрез по стеклу.

Советники вокруг площади опустились на колени.

Саир побледнел.

- Свидетельница, - сказал он.

- Кто это?

Имран взял Катю за руку.

- Та, кто проверяет цены, когда планета просыпается.

Водяная женщина повернула голову.

Лица у неё не было, но Катя точно знала, что она смотрит на них.

Потом Свидетельница подняла руку и указала на Имрана.

На его открытое запястье.

Синий свет на месте мизинца вспыхнул так ярко, что Катя вскрикнула.

Имран не издал ни звука.

Только его пальцы на её руке стали ледяными.

Свидетельница заговорила голосами всех, кого когда-то спасли Эллеры.

- Эта цена не закрыта.

Глава 3. Глиса хочет связку

Совет собрался за час.

Катя почти оценила скорость. Когда нужно было спасти живых, они умели спорить сутками. Когда запахло возможностью положить кого-нибудь на алтарь общего порядка, все вдруг оказались свободны.

Зал Счёта находился в той части города, куда её раньше не пускали. Не запрещали прямо. Просто каждый раз рядом появлялся кто-нибудь с мягким голосом и каменным лицом, и маршрут сам собой менялся.

Теперь её вели туда открыто.

Не как пленницу.

Хуже.

Как решение.

Высокий зал был вырублен в чёрной породе. Стены не отражали свет, зато отражали дыхание. Каждый вдох Кати уходил в камень и возвращался тихим шорохом, будто за стенами стояли сотни людей и повторяли за ней.

Имран шёл справа.

Саир - слева.

Катя видела, как на них смотрят. На Саира - с подозрением. На Имрана - с тяжёлым ожиданием. На неё - с голодом, прикрытым приличием.

У Совета не было корон и масок. В этом была их главная мерзость. Обычные лица. Уставшие, умные, собранные. Люди, которые давно привыкли делать страшное не из злобы, а из необходимости. С такими сложнее спорить. Они не кричат, не пеняются, не обещают власть. Они просто кладут на стол расчёт и спрашивают, кого ты предлагаешь потерять вместо этого.

Во главе сидела женщина с белыми глазами. Она была слепа к красному, но красная нить на запястье Кати заставила её пальцы дрогнуть.

- Катерина из Шахт, - сказала она.

Катя сжала зубы.

Её земной город в этом зале прозвучал как диагноз.

- Просто Катя.

- Здесь нет ничего простого.

Имран чуть повернул голову.

- Не начинайте.

Женщина улыбнулась.

- Мы ещё не начали, Тёмный Эллер.

Тёмный Эллер. Так они называли его, когда хотели напомнить, что он принадлежит не себе. Не Кате. Не даже собственной вине. Системе. Роду. Закону. Счёту.

Катя почувствовала, как внутри поднимается старая ярость.

- Если вы хотите сказать, что я должна что-то сделать, говорите сразу.

Белоглазая посмотрела туда, где у Кати было лицо. Почти попала.

- Глиса проснулась частично. Это редкое и опасное состояние. Планета ищет связку.

- Пусть ищет не меня.

В зале стало тише.

Саир закрыл глаза.

Имран, кажется, едва заметно выдохнул. Не от облегчения. От того, что именно такого он от неё и ждал.

Белоглазая продолжила:

- Ваше дыхание совпало с первым ритмом пробуждения. Ваш знак уже вошёл в кору. Красная нить связана с земными провалами, с ценой Тёмного Эллера, с дыханием рода Раисы и с нижними пустотами, которые Лидия открывала под видом ключей.

Катя слушала и чувствовала, как каждое слово становится петлёй.

- Короче.

- Вы можете стать связкой между Землёй и Глисой.

- Нет.

Белоглазая склонила голову.

- Вы не дослушали.

- Я услышала достаточно.

- Если связка не будет принята добровольно, планета начнёт искать другой способ соединить разрывы. Это затронет оба мира.

Катя усмехнулась.

- Вот теперь звучит знакомо. Спаси всех, девочка, а то виноватой останешься.

Один из советников, высокий мужчина с кожей цвета пепла, холодно сказал:

- Речь не о вине.

- Конечно. У вас никогда не о вине. У вас о долге, порядке, цене, равновесии. Красивые слова, чтобы человеку легче было лечь туда, куда вы показываете.

Имран сказал тихо:

- Катя.

Она резко повернулась к нему.

- Что? Тоже скажешь дослушать?

Он молчал.

И вот это было хуже.

Потому что она увидела в его лице не согласие с Советом. Страх. Тот самый, который всегда превращал его в камень. Он уже просчитывал, как вытащить её отсюда, кого убить, какую дверь закрыть, чем заплатить, чтобы она снова осталась живой без права выбора.

Катя почти физически почувствовала, как между ними открывается трещина.

- Не смей, - сказала она.

Имран понял.

- Я ещё ничего не сделал.

- Ты уже подумал.

В зале кто-то тихо вдохнул.

Саир отвёл взгляд.

Белоглазая женщина положила ладони на каменный стол.

- Связка не обязательно означает смерть.

Катя рассмеялась. Коротко. Некрасиво.

- Когда здесь говорят «не обязательно», обычно потом кто-то теряет голос, палец, мать или жизнь.

- Вы говорите как человек, который хочет оставить право выбора за собой.

- Представляете.

- Тогда вы должны понять: если вы откажетесь, выбор сделает планета.

Стены зала отозвались низким звуком.

Дыхание.

Глиса слушала.

Катя вдруг почувствовала, что камень под подошвами стал мягче. Не провалился, но уступил. Как живое горло под пальцами. В груди снова появился чужой ритм - глубокий, медленный, терпеливый.

Она сделала шаг назад.

Имран мгновенно оказался рядом, но не коснулся. Остановился в полушаге. Дал ей пространство.

Поздно, подумала Катя.

И сразу возненавидела себя за то, что заметила: он всё-таки учится.

Белоглазая сказала:

- Совет предлагает испытание. Семь ночей вы будете слушать планету под наблюдением Эллеров. Если Глиса примет вас без разрыва, связка будет оформлена. Если нет, мы найдём иной способ.

- Иной способ - это убить меня?

- Иной способ - это отделить ваше дыхание от тела.

Саир резко поднял голову.

Имран шагнул вперёд.

Воздух вокруг него потемнел.

- Нет.

Одно слово.

Зал услышал в нём не просьбу.

Белоглазая даже не вздрогнула.

- Тёмный Эллер, ваша цена не закрыта. Ваше право голоса ограничено.

Катя почувствовала, как он меняется. Не внешне. Глубже. Его тишина стала опасной. Такой тишиной он мог ломать двери, кости, законы, себя.

Она положила ладонь ему на грудь.

Сама.

При всех.

Он остановился.

Под её пальцами сердце било слишком ровно.

- Не за меня, - сказала она тихо.

Он посмотрел на неё.

Взгляд был почти жестоким.

- А если я не умею иначе?

Ответить было нечем.

Потому что именно это и было между ними. Его любовь всегда хотела стать щитом. Её любовь всё чаще хотела сломать этот щит об его же грудь.

Белоглазая женщина наклонилась к ним.

- Семь ночей, Катерина из Шахт. Или первый разрыв откроется там, где вас родили.

Катя похолодела.

- Шахты?

- Под вашим домом.

Красная нить на запястье резко натянулась.

Свет в зале погас на один удар сердца.

В темноте Катя услышала голос матери.

- Катя? У нас под кухней что-то стучит.

Глава 4. После ссоры

Они вернулись на Землю через зеркало в комнате, где не было зеркал.

Так теперь работали разрывы.

Глиса больше не спрашивала, удобно ли человеку. Она просто подставляла нужную поверхность: воду в чаше, стекло в окне, тёмную плитку пола, зрачок чужого глаза. Мир стал слишком отзывчивым. Это пугало сильнее прежней глухоты.

Квартира матери встретила Катю запахом пыли, старого чая и мокрой штукатурки.

На кухне горел свет.

Мать стояла у стола босиком, в халате, с телефоном в руке. На экране был набран номер Кати, но вызов не шёл. Под столом темнела щель.

Не большая. Не кинематографичная. Просто тонкая неровная линия между плитками, из которой тянуло холодом.

И стучало.

Тук.

Пауза.

Тук.

Как будто снизу кто-то терпеливо проверял, дома ли они.

- Мам, - сказала Катя.

Мать подняла глаза.

За последние месяцы она научилась не спрашивать сразу. Это было страшнее вопросов. Раньше она бы кинулась к Кате, схватила за руки, потребовала объяснений, заплакала, рассердилась, пошла за тряпкой мыть пол. Теперь стояла спокойно и смотрела сначала на дочь, потом на Имрана за её спиной, потом на щель под столом.

- Это опять ваше? - спросила она.

Катя устало закрыла глаза.

- Наше тут мало что.

Имран прошёл вперёд. В земной кухне он выглядел почти нелепо: слишком тёмный, слишком собранный, слишком большой для тесного пространства с магнитиками на холодильнике и старой сахарницей. Но мать не испугалась его. По крайней мере, не показала.

- Не подходите, - сказал он.

- Я и не собиралась, - ответила мать. - У меня, знаете ли, с дырками под кухонным столом отношения не сложились.

Катя почти улыбнулась.

Почти.

Потому что щель снова стукнула.

На этот раз звук был изнутри.

В самой груди.

Имран опустил на одно колено, провёл пальцами над полом. Левая рука всё ещё светила синим. Щель потянулась к этому свету, как рот к воде.

- Не трогай, - сказала Катя.

Он не посмотрел на неё.

- Я проверяю.

- Ты опять.

- Катя.

- Нет, не «Катя». Не этим голосом.

Мать медленно отступила к раковине. Умная. Живая. Испуганная так глубоко, что уже стала спокойной.

Имран поднялся.

- Под домом открывается первый разрыв. Совет был прав.

- Совет угрожал.

- Это не отменяет правды.

- Как удобно у вас всё устроено, - Катя сорвалась. - Сначала угроза, потом правда, потом ты стоишь с лицом героя и снова собираешься собой что-нибудь заткнуть.

Его глаза потемнели.

- Если понадобится.

Вот оно.

Эта фраза ударила сильнее щели под столом.

Катя подошла к нему вплотную. Так близко, что почувствовала жар его тела через ткань. Земная кухня вокруг стала маленькой, душной, почти неприличной. Мать была в двух шагах. Под полом стучало чужое. А ей хотелось вцепиться в Имрана так, чтобы он наконец перестал быть благородным и стал живым.

- Я ненавижу это в тебе, - сказала она.

Он не отступил.

- Знаю.

- Нет. Ты не знаешь. Ты думаешь, что я ненавижу твою готовность умереть. А я ненавижу, что ты каждый раз оставляешь меня жить с этим.

В его лице что-то сломалось.

Совсем чуть-чуть. Для чужого глаза - ничего. Для Кати - трещина через весь мир.

Мать тихо сказала:

- Я выйду.

Катя резко обернулась.

- Мам...

- Я не дура, - сказала мать. - И не святая. Мне страшно. Но я вижу, что вы сейчас либо друг друга убьёте словами, либо наконец скажете что-то честное.

Она взяла телефон и вышла в коридор. Дверь не закрыла до конца.

Из-под стола снова донеслось:

Тук.

Имран смотрел на Катю.

- Я не умею иначе быстро.

- Учись медленно.

- У нас нет времени.

- Тогда умри, - сказала она.

Слова вырвались раньше, чем она успела их остановить.

Воздух в кухне исчез.

Катя побледнела.

Имран не двинулся.

Она хотела забрать фразу обратно. Сразу. Руками, зубами, кровью, чем угодно. Потому что это было неправдой. Потому что это было самой страшной правдой. Потому что какая-то часть её действительно устала любить человека, который каждый день стоял одной ногой в собственной могиле и называл это ответственностью.

- Я не это...

- Это, - сказал Имран.

Голос у него был ровный.

Она ударила его ладонью в грудь.

Не сильно. Но звук получился резкий.

- Не смей соглашаться.

Он перехватил её руку.

Не сжал. Просто удержал.

Кухня стала другой. Не безопасной. Безопасности между ними давно не было. Но честной. Больной. Такой, где уже нельзя спрятаться за Совет, Глису, цену, мать, разрывы, спасённых девочек и чужие законы.

Катя подняла голову.

- Я не хочу быть связкой.

- Знаю.

- Я не хочу терять мать.

- Знаю.

- Я не хочу, чтобы ты умер.

Он молчал.

- Вот это ты тоже должен был сказать «знаю».

Имран медленно выдохнул.

- Я хочу, чтобы ты жила, даже если меня не будет.

Она рванулась, но он не отпустил.

- А я хочу, чтобы ты перестал дарить мне жизнь, в которой тебя нет.

Он посмотрел на её рот.

Это было мгновенно. Почти незаметно. Но Катя увидела, потому что сама смотрела на его.

И вся злость, весь страх, всё невыносимое напряжение последних часов вдруг получили тело.

Не нежность.

Пока нет.

Что-то темнее. Голоднее. Живое до злобы.

Катя сама сделала шаг.

Имран не взял её сразу. И это стало последней каплей.

- Если сейчас опять будешь благородным, - сказала она, - я правда тебя ударю.

В его глазах вспыхнуло что-то горячее.

- Скажешь раньше.

Она поняла.

Старое правило. Их правило. Не просьба. Граница.

- Скажу.

Он поцеловал её не красиво.

Жадно, резко, как человек, который слишком долго держал руки в крови и наконец нашёл живое. Катя ответила так же. Вцепилась в его ворот, потянула на себя, ударила спиной о край стола и даже не почувствовала боли. Его ладонь легла ей на затылок, вторая - на талию, тяжёлая, уверенная, почти злая. В этом было всё, что они не могли сказать: страх, ненависть, любовь, усталость, желание не исчезнуть по отдельности.

Она сама разорвала расстояние между ними.

Сама потянула его ближе.

Сама остановила, когда его рука скользнула слишком резко.

- Медленнее.

Он застыл сразу.

Грудь у него ходила тяжело. На лице было такое усилие, будто он держал не себя, а обрушившуюся балку.

Катя провела пальцами по его щеке.

- Не уходи в камень.

- Тогда держи.

Она почти рассмеялась. Почти заплакала.

Поцелуй стал другим. Ни мягким, ни спокойным. Просто точным. Он слушал её тело так, как раньше слушал опасность. Катя ненавидела, что это сводит с ума. Любила, что он всё-таки слышит.

Под столом снова стукнуло.

Они оба замерли.

Щель между плитками расширилась на палец.

Из темноты поднялся тонкий стебель синей травы.

На его конце висела капля воды.

В капле отражалась не кухня.

Отражался зал Счёта.

Белоглазая женщина стояла перед каменным столом и держала в руках красную нить Кати.

Потом изображение дрогнуло.

В капле появилось лицо.

Не Лидии.

Не Мары.

Лицо Кати.

Только спокойное, чужое и абсолютно счастливое.

Оно улыбнулось Имрану из воды и сказала:

- Я верну тебе всё.

Глава 5. Та, которая была легче

Нижняя Катя стояла у воды и улыбалась так, будто никогда не падала в шахту.

Это было хуже любого крика.

Настоящая Катя видела её с расстояния в три шага. Между ними лежала тонкая полоса воды - чёрная, неподвижная, с отражением чужого неба. На той стороне стояла женщина с её лицом, её волосами, её плечами, даже с этой привычкой чуть поджимать пальцы, когда страшно. Только страха в ней не было. Ни злости. Ни усталости. Ни красной нити, которая за эти месяцы стала уже частью руки, как вена или шрам.

Та Катя была чистой.

От этого хотелось ударить её сразу.

Имран стоял рядом с настоящей Катей, но чуть впереди. Его тело закрыло ей половину обзора. Плечи напряжены, голова опущена, правая рука свободна, левая - с тёмной перчаткой, где мизинец всё ещё отсутствовал. После последнего срыва кожа вокруг культи не зажила. Оттуда иногда пробивался холодный синий свет, как если бы под плотью кто-то держал маленькую зимнюю лампу.

- Не подходи, - сказал он.

Катя посмотрела на его профиль.

- Мне?

- Ей.

Нижняя Катя слышала. Улыбка стала мягче.

- Ты всегда так говоришь, Имран.

Голос был её. Настоящий. Не подделка из сна, где слова ползут с задержкой. Не шёпот нижних, в котором слышится чужой рот. Это был голос Кати, только вымытый от пыли, от мата, от боли в лёгких, от всех ночей, когда она просыпалась с ощущением, что воздух закончился раньше неё.

Катя почувствовала, как злость поднимается к горлу.

- Она знает твоё имя.

- Они всегда знают то, что мы отдали рядом с ними.

- А ты что отдал рядом с ней?

Имран не ответил сразу.

Этого хватило.

У Кати всё внутри стало ровным и холодным. Не потому что она хотела устроить сцену. Сцена требовала слов, жестов, движения. А в ней вдруг исчезло движение. Осталась одна линия: его молчание, её дыхание, женщина на другой стороне воды.

Нижняя Катя сделала шаг ближе к краю.

- Он не виноват, - сказала она. - Он устал держать тебя настоящей.

Катя рассмеялась. Коротко, почти без звука.

- Вот это уже тупо.

- Нет. Ты сама знаешь.

Вода между ними дрогнула. В отражении нижняя Катя выглядела не зеркально. Она была старше на несколько лет и моложе сразу, как лицо на фотографии, которую слишком долго держали в кармане. В её волосах не было шахтной пыли. На шее не было следа от пальцев Имрана, которого настоящая Катя давно не видела, но иногда чувствовала кожей в темноте. На запястье не было ножевого знака.

Она не была счастливой.

Она была удобной.

Именно это выворачивало.

- Я могу вернуть ему всё, - сказала нижняя Катя. - Не как Лидия. Не через нож. Не через ребёнка. Через согласие.

Имран едва заметно шевельнулся.

Катя увидела это и почти возненавидела его. Не за желание. За то, что его тело услышало слово "вернуть" раньше, чем разум успел запретить.

- Всё? - спросила Катя.

- Годы. Палец. Сон без боли. Память о том, как он жил до пожара.

- А мне что останется?

Нижняя Катя посмотрела на неё ласково.

- Тебе станет легче.

Катя шагнула вперёд.

Имран поймал её за запястье. Не сильно. Достаточно, чтобы остановить.

Красная нить под его пальцами вспыхнула.

Катя не вырывалась. Она медленно повернула голову.

- Убери руку.

Он отпустил сразу.

От этого стало ещё больнее. Потому что он научился. Потому что теперь он помнил границы даже тогда, когда мир вокруг превращал их в оружие.

- Она хочет, чтобы ты вошла в воду, - сказал Имран тихо.

- А ты чего хочешь?

Он посмотрел на неё.

В его глазах не было ответа, который мог бы спасти вечер. Там была усталость. Желание. Страх. И та страшная сдержанность, из-за которой Катя иногда хотела ударить его, а иногда прижаться лбом к его груди и не думать ни о какой Глисе.

- Чтобы ты жила.

- Это не ответ.

- Другого нет.

Нижняя Катя улыбнулась снова.

- У него всегда нет другого.

Катя резко повернулась к ней.

- Замолчи.

- Ты ненавидишь его за это.

- Да.

Слово вышло легко. Слишком легко.

Имран застыл рядом.

Катя слышала, как вода под ногами Глисы перестала быть неподвижной. На её поверхности пошли круги. Один, второй, третий. Слово "да" упало в сонную ткань планеты и почему-то осталось там видимым.

Нижняя Катя подняла ладонь.

- Вот. Это честнее любви.

Красные нити вокруг воды потянулись к настоящей Кате. Не к сердцу. К запястью, где знак ножа светился под кожей. Знак не болел. Он ждал.

Имран сделал шаг к воде.

- Не смей.

Нижняя Катя посмотрела уже не на Катю, а на него.

- Ты ведь почти хотел.

Этого нельзя было слышать и забыть.

Катя могла бы спросить. Могла бы потребовать. Могла бы сделать вид, что ей плевать. Вместо этого она подняла руку, обмотала красную нить вокруг пальцев и дёрнула.

Нить не порвалась.

Она вошла в кожу.

Боль была яркой и чистой. Такой боли не бывает во сне. Катя выдохнула сквозь зубы, согнулась, но не отпустила. Нижняя Катя на той стороне воды дрогнула, как отражение, по которому ударили камнем.

- Ты не я, - сказала Катя.

- Я та, которой ты могла быть.

- Нет.

Она дёрнула снова.

Красная нить зазвенела. Где-то глубоко под водой ответил металл.

Нижняя Катя впервые перестала улыбаться.

Катя почувствовала Имрана рядом. Не руку. Он больше не касался её. Только тепло тела. Только дыхание, короткое и сорванное. Он стоял так близко, что она могла опереться, но не опиралась.

- Я та, которой он хочет, - сказала нижняя Катя.

Катя посмотрела на Имрана.

Он молчал.

И именно это молчание ударило сильнее признания.

Вода между ними раскрылась узкой чёрной щелью. Из неё поднялся запах мокрой земли, дыма и старой ткани, долго пролежавшей в закрытом шкафу. На дне щели что-то блеснуло синим.

Маленькая пуговица.

Катя отпустила красную нить.

Пуговица не утонула. Она лежала на воде, будто вода была столом.

Нижняя Катя наклонилась к ней.

- Он не просто хотел меня, - сказала она мягко. - Он уже однажды выбрал такую.

Пуговица раскрылась, как глаз.

Глава 6. Пуговица под языком

Когда вода закрылась, Катя проснулась на полу.

Не в своей комнате и не в Глисе.

Под щекой был холодный кафель. Воздух пах мокрой тряпкой, лекарствами и старой школьной краской. Где-то за стеной капал кран. Капли падали неровно, с долгими паузами, будто вода думала, стоит ли продолжать.

Катя открыла глаза.

Перед ней стояли женские туфли.

Чёрные, мягкие, с потёртым носком. Такие носила Мария Семёновна, когда ходила в архив, хотя говорила, что давно пора купить нормальные, а эти "ещё живые, пусть доработают".

- Вставай, - сказала Мария Семёновна.

Катя попыталась подняться. Руку сразу полоснуло болью. На запястье, где была красная нить, кожа покраснела, будто её тянули чем-то раскалённым. Знак ножа светился слабо. Не красиво. Болезненно, как воспаление.

- Где мы?

- В подвале школы номер четырнадцать, если верить табличке. В подвале под Глисой, если верить тому, что я последние пять минут видела.

Катя села.

Имрана рядом не было.

Это стало первым настоящим фактом.

Она огляделась. Низкий коридор. Облупленные стены. Стенд "Гражданская оборона" с выцветшими рисунками противогАЗа. Дверь без ручки. На полу - тонкий слой чёрной пыли, похожей на шахтную, но она двигалась, если на неё долго смотреть.

Мария Семёновна стояла у стены и держала в руках старую карту. Бумага была сложена вчетверо. В местах сгибов линии выработок светились красным.

- Это сон?

- Очень надеюсь, что нет. В моём возрасте сны должны быть про дачу и умершего мужа, который опять потерял молоток. Не про подземные школы.

Катя невольно усмехнулась.

Потом вспомнила воду.

- Имран.

- Не видела.

- Нижняя копия?

Мария Семёновна сняла очки, протёрла край платком. Руки у неё дрожали. Совсем немного, но Катя заметила.

- Видела девицу с твоим лицом. Неприятная. Слишком чистая. Люди без грязи вызывают у меня подозрение.

Катя прижала ладонь к груди. Сердце билось быстро, неправильно. Под языком мешало что-то маленькое и твёрдое.

Она замерла.

- Что с тобой? - спросила Мария Семёновна.

Катя осторожно провела языком по зубам.

Твёрдое перекатилось.

Она выплюнула на ладонь синюю пуговицу.

Та самая. Маленькая, круглая, с тремя дырками вместо четырёх. Цвет был не просто синий. Он казался глубже любого цвета, который Катя видела на Земле, как кусок ночи, вырезанный из детской рубашки.

Мария Семёновна побледнела.

- Откуда это у тебя во рту?

- Из воды.

- Ты её проглотила?

- Не помню.

- Прекрасно. Мы теперь глотаем улики. Очень профессионально.

Катя хотела ответить, но пуговица в ладони стала тёплой.

По коридору прошёл детский кашель.

Обе замолчали.

Кашель повторился. Сухой, надсадный, с тем самым звуком, который бывает у ребёнка после дыма. Катя знала его уже не как факт из рассказов Имрана. Она слышала его во сне пожара, под балкой, в памяти синего огня.

- Там кто-то есть, - сказала она.

- Конечно есть. В таких местах всегда кто-то есть. Вопрос только, нужно ли нам с ним знакомиться.

Дверь без ручки открылась сама.

За ней была не комната.

За ней была школьная раздевалка, но потолок уходил куда-то слишком высоко. На крючках висели детские куртки, промокшие и обугленные по краям. На скамейке сидела девочка лет семи. Тёмные волосы, тонкая шея, колени в царапинах. В руках она держала вторую синюю пуговицу.

Катя узнала бы её даже без лица.

Мара.

Или Марина.

Или та, кого все эти книги пытались сделать то призраком, то ключом, то чужой ошибкой.

Девочка подняла глаза.

У неё были глаза Раисы.

Катя шагнула в дверной проём.

Мария Семёновна схватила её за рукав.

- Не спеши.

- Она ребёнок.

- Здесь дети редко бывают просто детьми.

- А взрослые редко бывают умнее.

Катя высвободилась.

Мара смотрела на пуговицу в её руке.

- Ты принесла вторую.

Голос был детский, но внутри него слышался скрип старого замка.

- Она была у меня под языком.

- Он спрятал так первую память.

- Кто?

Мара качнула ногами. На ней были синие туфельки. Не ботинки Оли, не обгоревшие тапочки из сна. Аккуратные, как для утренняя, только один ремешок был расплавлен.

- Имран. Когда понял, что Счётчик заберёт всё, если увидит.

Катя жала пуговицу.

- Он был ребёнком?

- Нет. Но в огне все становятся меньше.

Мария Семёновна тихо выругалась за спиной.

Катя села на корточки перед Марой. Дистанцию оставила. Руку не протянула.

- Что спрятано в пуговице?

Мара посмотрела куда-то за её плечо.

- Момент, когда он мог не спасти.

В коридоре зашумела вода. Нет, не вода. Чьё-то дыхание, слишком большое для человеческой груди.

Катя подумала о нижней копии, о словах "он уже однажды выбрал такую", о молчании Имрана.

- Кого он выбрал?

Мара улыбнулась. Никакой радости в этой улыбке не было.

- Не девочку.

Катя встала так резко, что голова ударилась о низкую полку. Перед глазами вспыхнули искры.

- Говори нормально.

- Он выбрал цену, - сказала Мара. - А цена выбрала меня.

Пуговица в ладони Кати лопнула.

Не разбилась. Лопнула, как тонкая скорлупа.

Изнутри вышел дым. Синий, густой, пахнущий мокрой шерстью и горелым сахаром. В дыму на секунду проступило лицо Имрана. Молодое. Страшно молодое. Без нынешней сдержанности, без привычки стоять между всеми и огнём. Он кричал что-то, но звука не было.

Потом рядом с ним появилась женщина.

Не Лидия.

Не Раиса.

Женщина с тёмной косой и рукой, на которой не хватало двух пальцев.

Она держала младенца.

Катя почувствовала, как внутри опускается холод.

- Кто это?

Мара сказала:

- Первая Эллерова мать.

Коридор вокруг них начал складываться внутрь, как мокрая бумага.

Мария Семёновна успела схватить Катю за плечо.

- Назад!

Но пола уже не было.

Под ними открылась шахта, в которой вместо дна горел синий огонь.

Глава 7. Первая Эллерова мать

Они не упали.

Шахта поднялась.

Катя это поняла не сразу. Сначала тело приготовилось к падению: живот сжался, руки вцепились в пустоту, горло закрылось. Потом стало ясно, что пол ушёл, стены ушли, а они с Марией Семёновной остались на месте. Просто вокруг них выросла глубина.

Синий огонь горел внизу без дыма. В его свете лица становились чужими. Мария Семёновна выглядела старше на десять лет, глаза запали, очки сидели криво. Катя наверняка выглядела не лучше. Волосы прилипли к щекам, кожа на запястье горела, красная нить почернела по краям.

Мара стояла на тонкой балке над огнём.

Она больше не была ребёнком.

Перед Катей была молодая женщина лет двадцати пяти. То же лицо, те же глаза Раисы, но в них появилась такая усталость, какую не дают годы. Её синие туфельки исчезли. На ногах была обугленная ткань. В руках - младенец, завернутый в серую простыню.

- Ты хотела узнать, кого он выбрал, - сказала она.

Катя не сразу смогла ответить.

- Это ты?

- Одна из меня.

- Отлично, - пробормотала Мария Семёновна. - Очень люблю, когда люди размножаются грамматически.

Мара даже не посмотрела на неё.

- Первая Эллерова мать не рождает ребёнка. Она рождает долг.

Катя почувствовала, как в груди медленно поднимается злость. Злость была полезнее страха. Страх превращал её в тело у края, а злость возвращала руки, голос и прямую спину.

- Кто придумал это название?

- Счётчик.

- Значит, название плохое.

Мара склонила голову.

- Ты смешная, когда боишься.

- Я смешная часто. Это не ответ.

Синий огонь шевельнулся. В нём проступили фигуры: женщины с детьми, мужчины без лиц, Эллеры с пустыми глазницами, старики, стоящие по колена в воде. Все держали что-то на руках. Младенцев. Камни. Сложенную одежду. Собственные отрезанные тени.

- Глиса спала долго, - сказала Мара. - Пока она спит, ей снятся люди. Сначала люди думали, что это дар. Потом поняли, что любой дар просит тело.

- Эллеры начали платить.

- Эллеры начали договариваться.

- С кем?

Мара посмотрела вниз.

В синем огне что-то повернулось. Не лицо. Скорее огромный закрытый глаз под стеклом.

Катя отступила на шаг.

Мария Семёновна тихо сказала:

- Не нравится мне этот глаз.

- Он не глаз, - ответила Мара. - Это место, где цена впервые увидела себя.

Катя вспомнила Счётчик. Поле записей. Голоса спасённых. Его спокойную невозможность понять, почему отказ от владения любимым человеком ломает расчёт. Тогда ей казалось,

что она внесла ошибку в систему. Теперь стало ясно: система не сломалась. Она проснулась и начала искать, кто испортил её строку.

- При чём тут Имран?

Мара повернулась к ней.

- Он был первым, кто заплатил не за своего.

- Он спас ребёнка.

- Нет. Многие спасали детей. Многие отдавали пальцы, голос, память. Он сделал другое.

Катя не хотела спрашивать.

Спросила.

- Что?

Мара прижала младенца к груди.

- Он заплатил за того, кто должен был стать ценой.

Слова легли медленно.

Катя смотрела на младенца в её руках. На серую простыню. На маленькое лицо, которого почти не было видно. На синюю пуговицу у края ткани.

- Ребёнок был уже записан?

- Да.

- Кем?

- Женщиной с двумя потерянными пальцами. Она хотела спасти мужа. Отдала ребёнка в будущий счёт. Так делали раньше. Иногда делают сейчас. Только называют мягче.

Мария Семёновна выдохнула:

- Господи.

- Ваш Бог здесь не ставил подпись, - сказала Мара.

Катя стиснула зубы.

- А Имран помешал.

- Он вытащил ребёнка из строки. Счётчик должен был забрать долг с матери, но Имран дал свой мизинец и часть будущих лет. Этого хватило, чтобы строка не закрылась.

- Поэтому балка держится до сих пор, - сказала Катя.

- Поэтому пожар всё ещё горит.

Где-то над ними ударил металл. Шахтная цепь сорвалась с невидимого крюка и повисла в воздухе. На её звеньях были имена. Катя увидела Алину, Олю, Марину, Тимофея. Увидела имя Раисы. Своё не успела увидеть, потому что Мария Семёновна резко закрыла ей глаза ладонью.

- Не смотри на списки, где тебя ещё не спросили, - сказала она.

Катя поймала её руку и убрала.

- Поздно.

На самом нижнем звене цепи было написано:

Катерина.

Не Катя. Не Екатерина. Катерина - так называла её бабушка, когда сердилась по-настоящему. Имя было выцарапано не буквами. Оно будто проросло из металла.

Мара шагнула по балке ближе.

- Ты не запасная. Ты исправление.

- Меня уже тошнит от ваших должностей.

- Ты можешь закрыть первую строку.

- Чем?

Мара посмотрела на её запястье.

Ножевой знак ответил болью.

- Не режь людей, - сказала Мара. - Режь договор.

- Как?

- Найди того, кто подписал первым.

Мария Семёновна резко подняла голову.

- Женщину с двумя пальцами?

- Она давно мертва.

- Мёртвые у вас тут ходят активнее живых.

Мара впервые посмотрела на неё с чем-то похожим на уважение.

- Она не ходит. Она спит в Земле.

Катя почувствовала, как шахта вокруг них изменилась. Не Глиса. Не нижний сон. Земля. Та самая сухая, южная, пыльная, под Шахтами, где старые выработки держали город на памяти и страхе.

- В Шахтах, - сказала Катя.

Мара кивнула.

- Под местом, где твоя мать впервые перестала дышать.

- Моя мать?

- До твоего рождения.

Катя хотела сказать, что это невозможно. Потом вспомнила, как много невозможного уже сидело у неё в жизни без приглашения, пило чай и оставляло грязь на полу.

- Раиса связана с первой строкой?

- Раиса была рядом, когда строку перенесли на Землю.

Синий огонь внизу резко вспыхнул. В нём возникла кухня. Маленькая, старая, с клеёнкой на столе. Молодая Раиса сидела у окна, обе руки на животе. Лицо белое. Рядом стояла женщина с тёмной косой и рукой без двух пальцев.

Катя не дышала.

Женщина наклонилась к Раисе и положила ладонь ей на грудь.

Раиса открыла рот, будто хотела крикнуть.

Вместо крика из неё вышел первый вдох Кати.

Огонь погас.

Шахта стала чёрной.

В темноте рядом с ухом Кати прошептал голос Имрана:

- Я нашёл тебя.

Она повернулась.

За её спиной стоял не он.

Глава 8. Тот, кто носит чужую руку

Лицо было Имрана.

Всё остальное - нет.

Катя поняла это сразу, хотя темнота вокруг почти не давала света. Настоящий Имран стоял так, будто каждое движение уже оплатил заранее. Этот двигался иначе: легко, тихо, без тяжести прожитого тела. На нём была та же тёмная одежда, тот же высокий ворот, те же мокрые волосы у висков, но в позе не было боли. Только точность.

И левая рука была целой.

Пять пальцев.

Длинные, красивые, сильные.

Катя посмотрела на них и ощутила такую тошноту, что пришлось сжать зубы.

- Опять вы с примерочными, - сказала она.

Мария Семёновна рядом тихо втянула воздух.

- Это кто?

- Не Имран.

- Да я уже догадалась. Настоящий бы выглядел мрачнее и молчал бы дороже.

Ложный Имран улыбнулся.

У настоящего так не получалось. Даже когда он улыбался, улыбка проходила через сопротивление, как свет через камень. У этого всё было гладко.

- Ты устала от его цены, - сказал он.

Катя подняла пуговицу. Осколок синего цвета прилип к её ладони.

- У вас там методичка одна на всех?

- Ты устала от его молчания.

- Это правда. Но ты всё равно не он.

- Я могу быть тем, кем он был до боли.

Левая рука ложного Имрана поднялась. Пять пальцев раскрылись медленно, красиво, почти нежно. Красные нити вокруг них потянулись к этой руке, как голодные.

Катя почувствовала, как в ней что-то предательски дрогнуло.

Не желание. Нет. Желание к Имрану было живым, тёмным, сложным, со вкусом дыма, кожи, злости и доверия. Здесь было другое. Усталость. Соблазн на секунду увидеть его без утраты. Без синего света из культи. Без привычки платить собой раньше, чем кто-то успеет попросить.

Соблазн оказался грязнее любого секса.

Ложный Имран подошёл ближе.

- Тебе не надо будет выбирать.

- Вот поэтому ты и плохая подделка.

- Разве ты не хочешь коснуться его целой руки?

Катя молчала.

Он сделал ещё шаг.

- Разве ты не думала, как он держал бы тебя, если бы у него было всё тело?

Мария Семёновна повернулась к Кате. Не с осуждением. С тревогой.

Катя закрыла глаза на секунду.

Да.

Думала.

Конечно думала.

В этом не было красивой духовности. Она любила мужчину с отсутствующим пальцем, с холодным светом под кожей, с шрамами, которые иногда открывались как чужие двери. Но

тело оставалось телом. Ей хотелось однажды почувствовать не потерю, а полноту. Хотелось, чтобы он обнял её двумя целыми руками, не потому что это сделало бы его лучше, а потому что мир слишком долго выгрызал из него куски и называл это законом.

Она думала об этом ночью. После секса. После ссор. Когда он спал рядом, так редко и неглубоко, что сон казался не отдыхом, а перемирием.

Ложный Имран услышал её молчание.

- Видишь.

Катя открыла глаза.

- Вижу.

Она шагнула к нему.

Мария Семёновна резко сказала:

- Катя.

- Всё нормально.

- Обычно после этих слов ничего нормального не происходит.

Ложный Имран протянул к ней целую левую руку.

Катя позволила пальцам почти коснуться её щеки.

Почти.

Потом перехватила его запястье.

Знак ножа на её руке вспыхнул.

Ложный Имран дернулся, но не успел отступить. Красная нить рванулась из пола, обвила его ладонь и вошла под кожу. Пять пальцев начали темнеть, один за другим.

- Ты хочешь его целым, - прошипел он.

- Хочу.

Ложный Имран замер.

Катя сжала его запястье сильнее.

- А тебе нельзя на этом ездить.

Кожа под её пальцами стала мокрой и холодной. Из-под красивой руки полезла другая. Не человеческая. Слишком тонкая, с суставами не там, где надо. На месте мизинца раскрылся маленький рот.

Мария Семёновна произнесла очень тихо:

- Какая мерзость.

Катя дернула красную нить.

Рот на месте мизинца закричал.

Крик разрезал темноту.

И тогда настоящий Имран вломился в сон.

Не появился красиво. Не вышел из тумана. Он ударил плечом невидимую стену, расколол её, упал на одно колено и тут же поднялся. Лицо в крови, левая рука прижата к боку, из-под перчатки льётся синий свет.

- Отойди от неё, - сказал он.

Ложный Имран повернул к нему искажённое лицо.

- Она сама подошла.

Настоящий Имран посмотрел на Катю.

И вот это было хуже всего.

Не ревность. Не злость. Боль.

Катя отпустила запястье подделки.

- Я знала.

- Знаю.

Он поверил слишком быстро.

Это ударило в грудь горячо и почти невыносимо. После всего, что было, после нижней копии, после его молчаний и её ненависти, он всё равно поверил. Не потому что был святой. Потому что уже однажды почти потерял её из-за своей попытки решить за двоих.

Ложный Имран рассмеялся.

- Любовь тоже можно считать. Вы просто плохо знаете арифметику.

Мария Семёновна шагнула вперёд.

- А вот с арифметикой аккуратнее. Я тридцать лет сметы по шахтам проверяла.

Она ударила картой по воздуху.

Старая бумага вспыхнула белым светом. Линии выработок развернулись, как рельсы, и легли между настоящим Имраном и его подделкой. На секунду пространство стало чертежом. В нём всё было видно: где сон, где земля, где чужая рука, где договор, который тянется из Шахт к первой Эллеровой матери.

Катя увидела главное.

Подделка держалась не на Лидии.

Не на Счётчике.

На маленькой отметке возле имени Раисы.

- Мама, - сказала Катя.

Настоящий Имран резко обернулся.

- Что?

- Они взяли первый вдох не у меня. У неё.

Ложный Имран бросился к ней.

Имран перехватил его на полпути.

Два одинаковых лица столкнулись в синем свете. Настоящий был слабее. Это сразу стало видно. Он держался на злости и воле, но подделка была собрана из желания, чужих расчётов и той части Имрана, которую Счётчик когда-то записал как возможную.

Катя хотела броситься к ним.

Мария Семёновна удержала её.

- Не туда.

- Он не выдержит.

- Поэтому не туда.

Карта в руках старой женщины дрожала. Линия возле имени Раисы светилась ярче. Под ней была подпись, почти стёртая:

перенос дыхания.

Катя поняла.

Если разорвать эту строку, подделка потеряет опору. Но строка шла через первый вдох. Через Раису. Через неё саму. Через то, что сделало Катю живой.

Ножевой знак на запястье раскрылся.

Теперь он был не знаком.

Рукоять выступила из кожи.

Катя обхватила её пальцами.

Боли не было. Только страшная ясность.

Имран сражался с собой в трёх шагах от неё. Мария Семёновна стояла рядом, старая, прямая, с картой, которую уже начинало жечь по краям. Синий огонь под шахтой дышал всё глубже.

- Если разрежешь не там, - сказала Мария Семёновна, - исчезнешь первой.

Катя посмотрела на строку возле имени матери.

Потом на Имрана.

Он удерживал подделку за горло. Подделка улыбалась его лицом.

Катя подняла нож.

Красная нить натянулась от её руки к земле под Шахтами.
И в темноте впервые за всё это время проснулась настоящая планета.

Глава 9. Вода повторяет живых

Вода на Глисе впервые сказала голосом Раисы.

Катя услышала это не сразу. Сначала был обычный шум - низкий, каменный, похожий на дыхание трубы в старом доме. Потом под ним проступил хрип, знакомая усталость, та самая материнская интонация, которой можно было одновременно попросить, обвинить и попытаться удержать дочь на краю стола.

- Катя, ты где?

Имран остановился раньше нее.

Они шли по нижней галерее Совета, где стены были влажными, как внутренняя сторона легких. С потолка не капало. Вода висела тонкими прозрачными нитями, натянутыми от камня к камню. Каждая нить дрожала в своем ритме. Катя уже знала, что тут нельзя касаться воды без разрешения. На Глисе вода брала форму быстрее, чем человек успевал понять, что отдал.

Но голос матери был слишком живой.

Катя шагнула к ближайшей нити.

Имран поймал ее за запястье.

Не сжал. Просто удержал.

- Не трогай.

- Это мама.

- Поэтому и не трогай.

Она повернулась к нему резко. В груди поднялось что-то злое, горячее, почти благодарное за повод ударить словами.

- Удобно у вас тут. Все, что больно, сразу ловушка.

Имран смотрел спокойно, но под кожей у левой руки у него ходил холодный синий свет. Там, где не хватало мизинца, после пробуждения Глисы открылась тонкая щель. Не рана. Рана была бы честнее. Это выглядело как трещина в темном стекле, за которой кто-то держал маленькое зимнее пламя.

- На этой глубине вода повторяет тех, кто дышит через тебя, - сказал он.

- Она жива.

- Да.

- Значит, ей страшно.

- Да.

Эти два «да» ударили сильнее запрета.

Катя дернула рукой. Имран отпустил сразу, будто боялся не ее злости, а собственной привычки держать.

Вода снова сказала:

- Катя, открой.

Слово «открой» прошло по галерее, как тонкий нож. Нити воды дрогнули разом. На дальнем своде вспыхнула красная линия, похожая на жилу в закрытом веке.

Катя замерла.

Раиса дома никогда так не говорила. Она могла сказать «возьми ключи», «позвони», «не ходи одна», «я сейчас спущусь». Но «открой» звучало чужим. Слишком ровным. Слишком голодным.

- Вот, - тихо сказал Имран.

Катя ненавидела его в такие моменты. За спокойствие. За то, что он почти всегда оказывался прав там, где ей хотелось ошибиться.

На стене перед ними проступило отражение кухни. Стол с потрескавшейся клеенкой. Чашка с облупленной синей каемкой. Открытая пачка соли. Мать сидела у стола в халате и смотрела не в телефон, а в темный угол, где раньше стояло ведро с картошкой.

Катя увидела ее руки.

Пальцы Раисы лежали на столе, ровно, как у спящей. Только ногти посинели.

- Мама, - выдохнула Катя.

Имран встал рядом. Не впереди. Не заслонил. Это было новое: он учился не становиться стеной там, где она сама хотела видеть.

- Это не прямое окно, - сказал он. - Отголосок.

- Она мерзнет.

- Ее дыхание переносят.

Катя слышала под этими словами приговор. Не смерть. Пока нет. Хуже - чужое использование. Мать не похищали. Ее не держали в подземелье, не связывали, не угрожали ножом. Ее просто включили в систему, как тонкую человеческую трубку между Землей и Глисой.

Счёт считал через нее.

Катя подняла руку. Красная нить на запястье натянулась так резко, что кожа побелела под узлом.

- Кто?

Имран не ответил сразу.

Он смотрел на воду, на кухню, на Раисины посиневшие ногти. В его лице было то выражение, которое Катя уже научилась узнавать: он понимал больше, чем говорил.

- Имран.

- Совет не смог бы взять ее так далеко.

- Кто?

- Тот, кто считает через живых.

Вода вдруг зашевелилась. Все нити потянулись к Кате, как волосы в невидимой реке. На кухне мать подняла голову. Ее глаза были открыты, но взгляд шел сквозь комнату, сквозь стол, сквозь Катю.

- Не отдавай его, - сказала Раиса чужим ртом. - Он уже заплачен.

Имран отшатнулся на полшага.

Этого оказалось достаточно.

Катя поняла: речь была не о ней.

Речь была о нем.

Синий свет в щели его левой руки вспыхнул так ярко, что вода на стенах стала черной.

Раиса улыбнулась.

Совсем не своей улыбкой.

Глава 10. Карта, которая дышала

Мария Семеновна нашла вторую карту в подвале бывшего маркшейдерского отдела.

Здание давно не было отделом. На первом этаже сидела контора по пластиковым окнам, на втором - бухгалтерия какой-то фирмы с названием из трех английских букв, а в подвале пахло сыростью, железными стеллажами и бумагой, которую уже не читали, но еще боялись выбросить.

Мария Семеновна не любила такие места. Не из-за пыли. Пыль она уважала, в ней хотя бы была честная работа времени. Ей не нравилось, как новые люди обходятся со старым городом: наклеят яркую вывеску, поставят кулер, купят дешевые жалюзи - и думают, что пустота под ногами перестала существовать.

Пустота никуда не девалась.

Она ждала.

Катя пришла к ней вечером, когда на улице уже потемнело, а жара не ушла, только стала более липкой. В Шахтах ночь не спасала от пыли. Ночь просто делала пыль незаметной.

- Я думала, вы не придете, - сказала Мария Семеновна.

- Я тоже.

Старуха посмотрела на нее поверх очков. Очки у нее были старые, с тонкой металлической оправой. Одно стекло немного царапало свет.

- Хороший ответ. Значит, еще не совсем с ума сошли.

Катя не стала улыбаться.

После голоса матери в воде ее тело никак не могло вернуться в нормальную человеческую форму. Она ходила, говорила, держала телефон, открывала двери, но где-то внутри продолжала стоять перед водяными нитями и смотреть на посиневшие мамины ногти.

- Вы сказали, карта другая.

- Не сказала. Написала.

- Разница?

- В моем возрасте сказанное могут принять за старческий страх. Написанное уже надо хотя бы прочитать.

Мария Семеновна повела ее между стеллажами. Лампочка под потолком мигала. Каждый раз, когда свет проваливался, Катя чувствовала, как подвал становится длиннее. Не глубже, а именно длиннее, будто к нему кто-то пристегивал чужой коридор.

На дальнем столе лежал тубус из плотного картона. Мария Семеновна развернула карту осторожно, почти нежно.

Катя увидела линии.

Сначала обычные: выработки, старые ходы, отметки глубины, номера участков. Потом взгляд начал цепляться за странности. Некоторые линии шли сквозь закрытые зоны, которых официально не существовало. Несколько ходов повторяли друг друга с разницей в пару метров, словно карту рисовали два человека: один знал землю, второй - сон под землей.

В центре, там, где Катя когда-то провалилась, стоял знак.

Не крест. Не аварийная пометка. Тонкий узел из трех линий, похожий на связку дыхания.

- Это было на старой кальке, - сказала Мария Семеновна. - Я сперва решила, что кто-то шутил. Потом нашла еще одну. И еще.

Она достала из папки листы. Пожелтевшие, ломкие. На каждом повторялся тот же знак.

- Как давно?

- Самая ранняя - тысяча девятьсот шестой.

Катя посмотрела на нее.

- Тогда здесь еще был Александровск-Грушевский.

- Был. Город меняет имя легче, чем землю. Земля помнит старые.

Мария Семеновна положила палец на знак. Ее ноготь был коротко обрезан, на коже у кутикулы чернела старая вьевшаяся пыль.

- Видите вот эту линию?

Катя кивнула.

Линия уходила от места ее падения к району Машзавода, потом резко обрывалась.

- На обычной шахтной карте там пусто, - сказала Мария Семеновна. - Даже не пусто.

Просто нет ничего. А тут ход. И подпись.

Она наклонила лампу.

Катя прочитала: «Сонная порода. Не вскрывать при живом дыхании».

Слова пошли по коже холодом.

- Это кто писал?

- Не знаю. Почерк не инженерный.

- Какой?

Мария Семеновна сняла очки и протерла их краем кофты.

- Человек писал так, будто боялся, что буквы услышат.

Подвал глухо вздохнул.

Лампочка погасла.

Катя успела схватить карту обеими руками, потому что бумага под пальцами вдруг стала мягкой и теплой. Как кожа.

В темноте Мария Семеновна сказала:

- Не выпускайте.

- Что?

- Карту. Она сейчас попытается свернуться обратно.

Слова были невозможными.

Катя уже верила.

Под пальцами карта дернулась. Линии на ней шевельнулись, красный знак в центре раскрылся, как маленький воспаленный глаз.

Из темноты между стеллажами раздался детский кашель.

Потом голос, тонкий и сухой:

- Там нельзя было дышать.

Мария Семеновна медленно повернула голову.

- Господи, - сказала она без молитвы.

Катя удерживала карту и чувствовала, как та пытается втянуть в себя тепло ее ладоней.

На бумаге появилась новая линия.

Она шла прямо к дому Раисы.

Глава 11. Мягкая

Нижняя Катя пришла к Имрану без звука.

Он сидел у каменного окна в комнате, которую Совет называл гостевой. Гостеприимства там не было. Стены держали холод, пол помнил чужие шаги, вода в чаше отражала лицо с задержкой в несколько ударов сердца. Комната была сделана так, чтобы человек в ней понял: его не заперли, но выходом пользоваться не советуют.

Имран не спал.

После того как вода заговорила голосом Раисы, сон стал опасен даже для него. Старые Эллеры умели входить в сонную ткань и выходить обратно, но теперь сама ткань просыпалась. Это меняло все правила. Там, где раньше был путь, мог оказаться рот. Там, где раньше была дверь, мог быть глаз.

Он смотрел на левую руку.

Синий свет под кожей пульсировал тихо. Не больно. Хуже. Почти приятно. Как будто кто-то изнутри касался места утраты мягко и обещал: еще немного, и ты перестанешь быть неполным.

Имран ненавидел это обещание.

Он знал цену приятного.

- Тебе больно?

Голос Кати прозвучал за спиной.

Имран не обернулся сразу.

Если бы это была настоящая Катя, она не спросила бы так. В ее голосе была бы злость, сжатая забота, усталость от его молчания. Она могла сказать «покажи руку» или «опять решил умереть красиво?», могла выругаться, могла уйти к окну и вернуться через минуту. Эта сказала мягко.

Слишком мягко.

- Уходи, - произнес он.

Она подошла ближе.

Шаги были правильными. Вес почти тот же. Запах кожи, шахтной пыли и соли тоже. Нижние сны становились точнее.

- Я больше не злюсь.

Имран усмехнулся одними губами.

- Значит, точно не она.

Она остановилась рядом. В отражении чаши ее лицо было светлее, чем должно. Не моложе. Просто без следов последних недель. Без ножа в запястье. Без усталости в глазах. Без той жесткой складки у губ, которая появилась после Лидии.

Катя, какой ее хотел бы увидеть слабый мужчина.

Катя, которой не существовало.

- Ты устал, - сказала она. - Я могу вернуть.

Имран закрыл глаза.

Эти слова уже звучали. Из воды. Из нижнего сна. Из собственной крови, когда синий свет впервые прошел по культе. Вернуть. Почти. Можно без потери. Можно иначе. Можно исправить так, чтобы никто не заметил старой боли.

- Что именно?

- Все.

Она опустила перед ним на колени.

Это было грубо придумано и поэтому особенно опасно. Настоящая Катя не встала бы так ради утешения. Разве что сама выбрала бы власть, поменяла бы смысл жеста, заставила

бы его смотреть и не прятаться. Нижняя копия просто предлагала покорность, как дешевую ткань с чужого рынка.

Имран открыл глаза.

Она взяла его левую руку.

Он позволил.

Не потому что поверил. Потому что на одну дыхательную щель захотел понять, каково это - быть тем человеком, которому можно возвращать без крови.

Ее пальцы коснулись места, где не было мизинца.

Синий свет под кожей поднялся выше.

- Видишь? - прошептала она. - Тебе не надо больше держать пожар.

В груди что-то дрогнуло.

Не желание. Не сразу. Сначала память тела. Пальцы, которых нет, тоже иногда помнят, как сжимались. Имран увидел балку, синий дым, детский кашель, раскаленный воздух, собственную руку, которая стала ценой раньше, чем он успел испугаться.

Нижняя Катя поднесла его руку к губам.

- Я не заставлю тебя выбирать.

Вот это было почти идеально.

Настоящая Катя заставляла выбирать одним своим существованием. Она не позволяла спрятаться в жертву. Она стояла рядом и смотрела так, будто человек обязан остаться живым после собственного подвига. Это бесило. Это спасало. Это делало любовь тяжелой.

Нижняя Катя предлагала любовь без сопротивления.

Имран почти наклонился к ней.

Дверь открылась.

Настоящая Катя стояла на пороге.

В руках у нее была старая карта, сложенная пополам, и по краю карты текла кровь. Не много. Тонкая красная линия, будто бумага порезала ее ладонь.

Катя посмотрела сначала на его руку в чужих пальцах. Потом на лицо копии.

На лице настоящей Кати ничего не дрогнуло.

Это было хуже крика.

Нижняя подняла голову и улыбнулась ей.

- Он устал от тебя.

Имран встал.

Слишком резко. Чаша с водой перевернулась, отражение разбилось по полу.

- Катя.

Она не смотрела на него.

- Нет.

- Это сон.

- Я вижу.

- Я не...

- Не договаривай.

Теперь она посмотрела.

В ее глазах была боль, и еще что-то темнее боли. Не ревность. Ревность была бы проще. В этом взгляде он увидел понимание: на секунду ему правда хотелось, чтобы рядом была женщина, которая не требует от него жить честно.

И она это поняла.

Нижняя копия медленно встала между ними.

- Я могу быть такой, какой ему легче любить.

Катя сжала окровавленную карту.

- Так будь.

Голос вышел низким, почти чужим.

Имран сделал шаг к ней.

Катя отступила.

Красная нить на ее запястье потемнела. От нее пошла тонкая трещина по коже, вверх, к локтю.

- Только не мной.

Нижняя Катя обернулась к Имрану. В ее лице на миг проступило не человеческое - пустая, гладкая жадность. В следующую секунду она рассыпалась водой.

На полу осталась синяя пуговица.

Та самая.

Катя подняла ее, не касаясь Имрана взглядом.

- Теперь хотя бы понятно, чего ты хочешь.

И ушла.

Дверь закрылась тихо.

Имран не двинулся за ней.

Иногда наказанием было именно то, что тебя не удержали.

Глава 12. Не моя мягкость

Катя добралась до старой галереи и только там позволила себе остановиться.

Не плакать. На это не было сил. Слезы требовали лишнего воздуха, а воздух и так стал подозрительным. Она встала у каменной стены, прижалась лбом к холодной породе и пыталась не разжать пальцы.

В правой руке была карта. В левой - синяя пуговица.

Две вещи, от которых хотелось избавиться.

Обе были нужны.

На коже выше красной нити расплзалась темная трещина. Тонкая, почти красивая, если забыть, что красота на Глисе часто означала начало чужого владения. Катя провела по ней большим пальцем. Боли не было. Это пугало сильнее. Все важное в последнее время сначала не болело, а потом оказывалось внутри.

Она ненавидела Имрана.

Не всего. Это было бы удобно. Ненавидела ту часть, которая на секунду потянулась к мягкой копии. К женщине без острых краев, без карты, без вопросов, без матери с синими ногтями, без ножа выбора под кожей. К той Кате, которая могла встать на колени перед его болью и сказать: я все исправлю.

Катя такой быть не могла.

И не хотела.

Но от этого не становилось легче.

За спиной раздались шаги.

Она не повернулась.

- Уходи.

Имран остановился в нескольких шагах.

- Нет.

- Ты быстро учишься худшему.

- Да.

Это «да» задело хуже оправданий. Он не защищался. Не говорил, что она не так поняла. Не делал из себя жертву. Просто стоял в темноте, большой, живой, виноватый, и из-за этого ее злость не находила удобной стены.

- Я не тронул ее, - сказал он.

Катя усмехнулась. Смех вышел сухой, некрасивый.

- Поздравляю. Медаль дать?

- Я хотел поверить.

Она закрыла глаза.

Вот.

Вот он, удар, который все равно нужен был. Без него они снова пошли бы по кругу: он молчит, она вырывает правду зубами, они оба притворяются, что близость может держаться на половине сказанного.

- Во что?

- Что есть путь без твоей боли.

Катя развернулась.

- Нет, Имран. Ты хотел путь без меня настоящей.

Он принял это молча.

В галерее между ними висела темнота. Где-то глубоко под камнем Глиса медленно дышала. Каждый вдох планеты проходил по полу и отдавался в ребрах.

- Да, - сказал он.

Катя почти ударила его.

Почти.

Рука дернулась, но он не закрывался. Это остановило. Ей не нужен был мужчина, который позволил бы ей бить себя за собственную вину. Ей нужен был тот, кто выдержит ее злость и не превратит ее в очередную цену.

- Ты не имеешь права хотеть меня удобной.

- Не имею.

- И все равно хотел.

- На один вдох.

- Мне хватило.

Он сделал шаг ближе.

Катя подняла ладонь.

- Стой.

Он замер.

Синяя щель в его левой руке светила сильнее. На лице залегла усталость. Не благородная, не красивая. Мужская, злая, настоящая. Он выглядел так, будто много лет носил вес, который уже стал частью позвоночника, а теперь кто-то предложил снять его вместе с кожей.

Катя хотела его.

Даже сейчас.

Это бесило до темноты в глазах.

Хотеть человека, который только что показал свою слабость самым ранящим способом, было унижительно. Тело не спрашивало достоинства. Оно помнило его руки, запах холодного дыма, тяжесть груди рядом, то, как он останавливался раньше ее слова и как иногда уже не мог остановиться без него.

Имран смотрел на нее и тоже понимал.

- Не подходи, - сказала Катя.

Он не подошел.

- Но не уходи.

Его лицо изменилось. Едва. В этой малости было больше желания, чем в любом прикосновении.

Катя сама сделала шаг.

Потом еще один.

Они встретились посреди галереи, под камнем, который дышал. Имран не поднял рук, пока она не положила свою ладонь ему на грудь. Под тканью билось сердце. Слишком быстро для человека, который так хорошо умел быть камнем.

- Я не она, - сказала Катя.

- Знаю.

- Я не буду мягкой, чтобы тебе легче.

- Не надо.

- Я буду злиться.

- Да.

- Я буду хотеть тебя даже тогда, когда мне хочется выцарапать тебе глаза.

На этот раз он не ответил сразу.

Его дыхание коснулось ее виска. Тяжелое. Сдержанное. Она почувствовала, как его тело собирается вокруг запрета.

- Скажешь раньше, - произнес он хрипло.

Эта фраза уже была между ними паролем. Не лаской. Границей.

Катя подняла лицо.

- Скажу.

Он коснулся ее не губами. Лбом. Прижался к ней так, будто поцелуй был бы легче, а им обоим сейчас нужна была вещь тяжелее. Потом его рука легла ей на шею, там, где раньше был страх, где когда-то началась их самая страшная ошибка.

Катя не отступила.

Пальцы Имрана были теплыми, кроме левой руки. Левая светилась холодом и не касалась ее. Он держал ее правой, осторожной до боли, а его тело говорило совсем другое. Хотело ближе, ниже, глубже в этот общий гнев и голод.

Катя сама притянула его за ворот.

Поцелуй вышел злым.

Не красивым. Не примирительным. В нем было слишком много того, что они не могли сказать без крови. Имран отозвался сразу, но не захватил власть. Ждал. Даже когда она прикусила его губу, даже когда он выдохнул ей в рот короткий темный звук, даже когда его ладонь на ее шее стала тяжелее.

Катя почувствовала, как под ними дрогнула Глиса.

Камень ответил на их дыхание.

Красная нить на ее запястье вспыхнула и натянулась между ними тонким огненным волосом. Синяя щель в его левой руке погасла на один удар сердца.

Имран оторвался первым.

- Катя.

Она ненавидела, когда он произносил ее имя так. Будто оно было не словом, а последним способом не потерять себя.

- Что?

- Планета слышит.

Катя рассмеялась тихо, почти зло.

- Пусть слушает.

Он смотрел на нее темными глазами. В них все еще была вина. И желание. И страх, который уже не прятался.

Она коснулась пальцами его левой руки. Не щели. Кожи рядом.

- Ты хотел мягкую меня.

- Да.

- Получишь настоящую.

На этот раз он поцеловал ее сам.

Камень под ногами сделал вдох.

Где-то далеко, в Шахтах, на кухонном столе Раисы, сама собой раскрылась старая карта.

По новой линии проступило слово.

Счётчик.

Глава 13. Счётчик

Слово на карте проступало медленно.

Сначала темнела бумага. Потом линии старых выработок, аккуратно вычерченные рукой Марии Семёновны, набухли, будто под ними пошла вода. На кухонном столе Раисы дрожала клеёнка. стакан с ложкой звякнул сам по себе, и Раиса отступила к плите, прижимая к груди полотенце.

Катя видела это не глазами. Она стояла на Глисе, в нижней галерее, напротив Имрана, с его вкусом на губах, с его дыханием ещё на коже. И одновременно была там, в Шахтах, у маминого стола, где старая карта раскрылась, как грудная клетка.

Счётчик.

Буквы были сухие. Не чернильные. Скорее угольные, вдавленные в бумагу с той стороны, где бумага не должна была иметь стороны.

- Он услышал, - сказал Имран.

Катя повернулась к нему.

- Кто?

Имран молчал слишком долго.

Это молчание стало новой дверью. Катя уже знала его виды: молчание, когда он думает; молчание, когда удерживает злость; молчание, когда считает цену. Сейчас было четвёртое - когда он знает больше, чем имеет право сказать, и ненавидит это право.

- Имран.

- Тот, кто считает, - произнёс он.

Камень под ногами снова сделал вдох. На сводах вспыхнули тонкие белые отметины, похожие на зарубки. Одна. Вторая. Десятая. Сотая. Они бежали по галерее так быстро, что Катя не могла уследить, где началась первая.

- Считает что?

- Всё, что Эллеры называли ценой.

Её кожа похолодела. Не от страха. От узнавания. Все эти пальцы, голоса, годы, воспоминания, цвета, тепло ладоней - всё, что казалось страшным законом мира, вдруг получило не лицо, а функцию. Не бог. Не чудовище. Счётчик. Сухая вещь, которая умеет только принимать и записывать.

- Вы ему платили?

Имран посмотрел на свою левую руку. Синяя щель в месте отсутствующего мизинца снова загорелась. Внутри двигался холодный свет, похожий на огонь, который забыл, как греть.

- Мы думали, что платим Глисе.

Эти слова были хуже признания вины. Хуже измены с нижней копией. Катя почувствовала, как в ней поднимается ярость - чистая, ровная, почти спасительная.

- То есть веками вы отдавали себя неизвестно кому.

- Да.

- И сейчас этот кто-то увидел меня?

- Да.

Катя засмеялась. Тихо, без радости.

- У вас прекрасная система. Очень взрослая. Очень мудрая. Сначала все режут себя ради порядка, потом выясняется, что порядок просто жрал.

Имран не стал защищать Совет. Не стал объяснять, что иначе гибли бы города, дети, переходы, люди в огне. И от этого Кате стало ещё больнее. Он не оправдывался, потому что оправдание было бы легче. Он просто стоял рядом, высокий, тёмный, живой, с открытой щелью в руке и желанием на лице, которое ещё не успело уйти после их поцелуя.

Катя ненавидела его за это желание.

За то, что оно делало правду телесной. За то, что рядом с ним любое решение проходило через кожу.

Вода в дальних нитях снова заговорила голосом Раисы:

- Катя, карта горит.

Катя резко обернулась.

Глиса раздвинулась. На мгновение перед ней снова была кухня. Мать держала над картой мокрое полотенце, но не смела накрыть бумагу. Линии на карте светились снизу. Слово «Счётчик» вытянулось, будто стало не надписью, а входом.

- Мам, не трогай! - крикнула Катя.

Раиса подняла голову.

Она услышала.

Не во сне. Не через воду. Прямо.

- Катя?

Имран схватил Катю за плечо и развернул к себе.

- Не отвечай ей дальше.

- Это моя мать.

- Сейчас через неё слушает он.

Катя ударила его по руке.

Не сильно. Но он отпустил сразу.

- Не смей ставить себя между мной и ней.

- Я ставлю себя между тобой и тем, что уже нашло её.

- Одно и то же.

Лицо Имрана стало жёстким. В глазах мелькнула боль, которую он не успел спрятать.

- Для тебя - да.

Катя вдохнула. Воздух вошёл тяжело, с привкусом каменной пыли и его кожи. Красная нить на запястье дёрнулась. Потянула не к Имрану, не к воде, не к галерее. К карте. К кухне. К матери.

На бумаге, рядом со словом «Счётчик», появилась новая линия.

Она шла от Шахт к Глисе.

На конце линии проступило маленькое число.

Один.

Имран увидел его через её дыхание.

- Нет, - сказал он.

Катя уже знала этот голос. Так он говорил перед платой.

- Что значит один?

Он шагнул к ней.

- Катя, слушай меня.

- Что значит один?

Где-то внизу, под галереей, будто проснулся огромный механизм. Не железный. Живой. Каменный. Сухой. Слишком старый, чтобы называться машиной, слишком равнодушный, чтобы быть существом.

На карте в Шахтах число стало ярче.

Один вдох.

Раиса за кухонным столом закашлялась.

Глава 14. Один вдох

Раиса кашляла так, будто у неё в груди осыпалась штукатурка.

Катя рванулась к воде, потому что вода была ближайшей дверью. Имран перехватил её на полпути. На этот раз удержал крепче. Пальцы впились в плечи через ткань, и Катя почувствовала не власть, а страх.

Его страх.

- Пусти.

- Ты туда не пройдёшь телом.

- Значит, пройду как получится.

- Он ждёт именно этого.

- Моя мать задыхается.

Имран наклонился к ней так близко, что его голос стал теплее воздуха.

- Если ты сейчас войдёшь через её дыхание, он запишет тебя как цену.

Катя замерла.

Слова легли на кожу медленно. Цена. Запишет. Через мать.

- Объясни.

- Один вдох - это метка первого принятия. Он предлагает тебе пройти к ней и взять её кашель на себя.

- И что?

- Тогда он получит право считать тебя.

- Меня уже считают все, кому не лень.

- Не так.

Синяя щель в его руке раскрылась шире. Оттуда вышел холодный свет и прошёл по костяшкам. Имран поморщился, но не отпустил её.

- Эллер отдаёт то, что принадлежит ему. Тело, годы, память. Ты не Эллер. Ты проходишь через чужое дыхание. Если примешь запись, он сможет брать через тебя у тех, кто связан с тобой.

Катя посмотрела на воду. Там, в дрожащей нити, мать опиралась о стол обеими руками. Лицо серое, губы сухие, глаза испуганные и злые. Даже теперь Раиса злилась на беспомощность, будто кашель был бытовой неаккуратностью, которую надо срочно убрать до прихода гостей.

Катя хотела броситься к ней всем телом.

Хотела убить Имрана за то, что он держит.

Хотела прижаться к нему, потому что только он понимал, насколько страшен этот выбор.

Все три желания жили в ней одновременно, кусали друг друга и не давали вдохнуть.

- Если я ничего не сделаю, она умрёт?

Имран не ответил сразу.

Катя ударила его взглядом.

- Не молчи.

- Не сейчас.

- Когда? После похорон?

Он закрыл глаза на один короткий миг. Потом отпустил её плечи и поднял левую руку. Холодный свет из щели вытянулся тонкой синей полосой. Имран провёл ею по воздуху, и перед Катей раскрылась не вода, а счёт.

Не числа. Следы.

Она увидела женщину, отдающую голос за ребёнка. Старика, который оставил способность видеть красный у края кровавой дороги. Мальчика, потерявшего год жизни за то, чтобы

мост не рухнул под толпой. Имрана - молодого, обожжённого, с синей пуговицей в кулаке, с рукой под балкой, с криком, который не вышел наружу, потому что весь воздух ушёл в огонь.

Потом следы сжались.

Все они вели к одной пустой отметке.

Катя.

- Он не знает, куда тебя поставить, - сказал Имран. - Поэтому даёт простой ход. Спасти мать. Получить запись. Сделать из тебя понятную вещь.

- А если я не стану понятной вещью?

- Он продолжит искать.

- Через кого?

Имран посмотрел на воду.

Катя поняла.

Через Раису. Через Марию Семёновну. Через Мару. Через всех, кто успел стать вокруг неё живой связкой.

Внутри поднялась такая тихая ярость, что Катя перестала дрожать.

- Тогда мне нужен не проход. Мне нужен способ ударить по записи.

- Его нельзя ударить.

- Ты пробовал?

- Да.

- Один?

Он промолчал.

Вот за это она снова его возненавидела. Не за молчание даже. За одиночество как привычку. За то, что он мог веками идти туда, где больно, и считать это нормальным мужским способом не разрушить мир.

Катя подошла к нему вплотную.

- Ты больше не один, Имран.

- Это опасно для тебя.

- Всё опасно для меня. Даже дышать, если верить вашей планете.

Он хотел отступить. Не сделал этого. Его тело осталось рядом, горячее, напряжённое. Катя видела, как по шее поднимается тёмная жилка, как тяжело ходит грудь под кожей и тканью, как левая рука светится холодом, а правая сжимается, чтобы не коснуться её.

- Скажи, где запись, - потребовала она.

- Ниже Совета.

- Насколько ниже?

- Там, где Глиса ещё не различает сон и камень.

- Отлично. Люблю ваши уютные места.

Из воды донёсся новый кашель Раисы. Слабее.

Катя не выдержала и обернулась.

- Мам! Слышишь меня?

Раиса подняла голову. Глаза были мокрые.

- Слышу, - выдохнула она. - Не лезь, если там опять какая-нибудь херня.

Катя неожиданно рассмеялась.

Слёзы ударили в глаза сразу после смеха.

- Поздно, мам.

- Катя.

- Я приду.

- Не ценой себя.

Катя застыла.

Раиса не могла знать эту формулу. Не должна была.

Имран медленно повернул голову к воде.

Голос Раисы стал ниже. Чужой сухой оттенок проступил под материнской хрипотцой, как ржавчина под краской.

- Один вдох уже предложен.

Вода потемнела.

На карте в Шахтах число вспыхнуло снова.

Один.

Катя подняла красную нить на запястье к губам и прикусила её зубами.

Нить стала горячей.

- Тогда считай зубы, сволочь, - сказала она.

И потянула.

Глава 15. Ниже Совета

Красная нить не порвалась.

Она вошла Кате в зубы жаром, прошла под языком, ударила в горло и раскрылась в груди тонкой огненной болью. Катя зажмурилась, но не отпустила. Если бы боль была голосом, она бы кричала. Если бы была рукой - вывернула бы ей челюсть. Нить тянулась из неё вниз, в камень, в карту, в мать, в Глису, в место, где кто-то решил, что любовь удобна как крючок.

Имран схватил её за талию сзади.

- Выплюнь.

Она замотала головой.

- Катя.

Его голос стал опасным. Тем самым, от которого раньше замирало тело. Теперь тело откликнулось не страхом. Гневом и желанием одновременно. Она чувствовала его грудь у своей спины, бедро у бедра, правую руку на животе. Слишком крепко. Слишком живо. Слишком там, где нельзя сейчас хотеть.

Она всё равно хотела.

Потому что мир рушился, мать задышалась, Счётчик протягивал сухие пальцы к её жизни, а Имран был единственным доказательством, что тело ещё принадлежит ей. Не закону. Не планете. Не цене.

Ей.

Катя выдохнула через нос и потянула сильнее.

Камень под ногами треснул.

Открылась лестница.

Она не была вырублена. Она выросла внутрь пустоты, как позвоночник у существа, которое много веков лежало свернувшись. Ступени были темнее остального камня. На каждой светилась зарубка. Некоторые свежие, некоторые старые, почти стертые. Катя вдруг поняла, что это не украшение.

Это утраты.

Каждая ступень была чьей-то ценой.

Имран отпустил её живот, но остался близко.

- Туда нельзя идти на злости.

Катя выплюнула нить. На губах остался вкус крови и железной пыли.

- На нежности тоже нельзя. Мы проверили.

- Там берут то, что громче всего в тебе.

Она повернулась.

- Отлично. Пусть попробуют выбрать.

Он посмотрел на её рот. На кровь у нижней губы. Катя увидела, как в нём двинулось желание. Не мягкое. Голое. Злое. Его правая ладонь дернулась к ней и остановилась в воздухе.

- Не сейчас, - сказала она.

- Знаю.

- Но после.

Темнота в его глазах стала глубже.

- Если будет после.

Катя шагнула к нему и сама стерла кровь с губы большим пальцем. Потом провела этим пальцем по его нижней губе. Имран не дышал.

- Будет, - сказала она. - И ты не уйдёшь в героическое молчание перед тем, как оно случится.

- Приказываешь?

- Да.

Он усмехнулся почти незаметно. Грубая, короткая усмешка человека, которому больно, но он всё равно услышал жизнь.

- Тогда идём.

Ниже Совета воздух стал плотнее. Катя спускалась первой, потому что нить тянула её. Имран шёл за спиной. Его присутствие держало пространство, как клин в дверной щели. Сзади, где осталась галерея, вода всё ещё говорила обрывками Раисинового голоса. Но чем ниже они спускались, тем тише становилась мать. Вместо неё появлялись другие.

Детские голоса.

Женские.

Мужские.

Все просили одно и то же разными словами.

Верни.

Спаси.

Отмени.

Не дай.

Катя считала ступени, чтобы не сойти с ума. На сороковой ей показалось, что по стене рядом с ней идёт маленькая ладонь. На пятьдесят третьей - что кто-то дышит у самого уха. На семьдесят первой она увидела Марию Семёновну.

Та стояла на площадке между ступенями в своём старом кардигане, с папкой под мышкой и очками на цепочке. Смотрела спокойно, почти сердито.

- Ты что тут делаешь? - спросила Катя.

Мария Семёновна поправила очки.

- А ты как думаешь, девочка? Карты сами себя не дочерчивают.

Имран резко остановился.

- Это не она.

- Я знаю.

Катя знала. Но образ был точный. Даже складка у рта, даже сухая раздражённость человека, который давно устал объяснять молодым очевидные вещи.

- Уйди, - сказала Катя.

Мария Семёновна посмотрела на лестницу вниз.

- Там место, где цена становится дорогой. Если ты туда пойдёшь, обратно выйдешь не вся.

- Спасибо за прогноз.

- Я не прогнозирую. Я читаю карту.

В её руках появилась та самая шахтная карта. Линии на ней двигались. Одна шла к столу Раисы. Другая к месту старого пожара. Третья уходила в Глису, туда, где под фиолетовым небом светилась живая кора планеты.

Мария Семёновна провела пальцем по четвертой линии.

- Эта новая.

Катя увидела тонкий ход под Машзаводом. Он не был на прежних картах. Там, под землёй, что-то открывалось. Не сейчас - скоро.

- Это второй провал?

- Третий.

Катя почувствовала, как холод прошёл между лопатками.

- Где второй?

Мария Семёновна подняла глаза.

- Уже под домом твоей матери.

Имран выругался на глиссском. Коротко, жёстко. Камень на стене дрогнул от этого слова.

Катя не успела спросить дальше.

Образ Марии Семёновны осыпался пылью.
На её месте остались очки.
Настоящие.
Металлическая дужка тихо звякнула о ступень.

Глава 16. Очки в пыли

Катя подняла очки.

Они были тёплые.

Не как вещь из сна. Не как отражение. Тёплые от человеческого лица. На одной линзе остался отпечаток пальца, на дужке - мелкая царапина, которую она помнила по земной кухне Марии Семёновны, где та ругалась на плохой свет и старые бумаги.

Катя сжала очки так, что металл впился в ладонь.

- Она жива?

Имран не ответил.

Катя повернулась к нему медленно.

- Скажи.

- Я не знаю.

- Тогда узнай.

- Здесь нельзя просто посмотреть наверх.

- Мне плевать, что здесь нельзя.

Голос сорвался. Лестница отозвалась сухим шорохом. Зарубки на ступенях загорелись ярче, будто ей аплодировали мёртвые долги.

Имран подошёл. Катя ждала, что он снова станет камнем, запретит, удержит, скажет про цену и глубину. Он сделал другое. Взял очки из её руки, приложил к своей левой щели и закрыл глаза.

Синий свет облизал металл.

Имрана тряхнуло.

Катя схватила его за локоть.

- Что ты делаешь?

- Ищу её след.

- Через свою цену?

- Да.

- Ты совсем больной?

Он открыл глаза. В них стояла такая усталость, что на секунду она увидела не Тёмного Эллера, не стража, не мужчину, который умел держать мир на плечах. Просто человека, который выбрал боль быстрее, чем объяснение, потому что так привык быть полезным.

- Ты просила узнать.

Катя ударила его кулаком в грудь.

Не ради боли. Ради звука. Чтобы он был здесь.

- Я просила не исчезать в каждом ответе.

Он перехватил её кулак и прижал к себе. Нежно. Крепко. Так, будто держал не руку, а разрыв.

- Тогда держи меня.

Эти слова выбили из неё воздух.

Катя смотрела на него снизу вверх. Внизу лестница уходила туда, где Счётчик ждал их как сухая пасть. Наверху мать кашляла возле горячей карты. Где-то между мирами Мария Семёновна, возможно, уже стояла у провала, который никто на Земле ещё не видел. А Имран впервые не сказал «я сам».

Он сказал: держи меня.

Катя положила вторую руку ему на грудь.

- Держу.

Свет в его левой руке вспыхнул. Через очки пошёл образ.

Шахты. Ночь. Квартира Марии Семёновны. Папки на столе, кружка с остывшим чаем, настольная лампа. Старая женщина стоит у окна и смотрит вниз, во двор. Асфальт там дышит. Не метафорой. Вздвухается и опадает, как кожа над лёгким.

Телефон на столе звонит.

Мария Семёновна не берёт.

Она уже видит под полом линии. Все карты, которые она держала в руках за жизнь, вспоминают себя сразу. Старые шахты. Незаполненные выработки. Аварийные ходы. И под ними - ещё одна карта. Сонная.

Она берёт папку, очки, старую рулетку и выходит.

Катя вцепилась в Имрана сильнее.

- Она пошла туда.

- Да.

- Одна.

- Да.

- Чёртова старая упрямая женщина.

Имран едва заметно усмехнулся.

- Похожа на тебя.

- Не время для комплиментов.

- Это не комплимент.

Образ сменился.

Двор. Земля у мусорных баков треснула. Из трещины шёл не пар, а темнота. Мария Семёновна стояла на краю с фонариком в руке и говорила кому-то по телефону:

- Слушай внимательно. Если утром меня не будет, папка в духовке. Да, в духовке, где ещё. В шкафу эту дрянь найдут первые. В духовке никто нормальный документы не ищет.

Катя зажала рот ладонью.

- Она кому звонит?

Имран приблизил очки к щели.

Голос в телефоне стал яснее.

Раиса.

- Мария Семёновна? Вы что несёте? Какая духовка?

- Раиса, времени нет. Твой стол уже стал входом. Не ори. Не трогай карту голыми руками.

Соль есть?

- Есть.

- Сыпь под ножки стола. Все четыре. И не говори дочери, что я тебе звонила. Она ползет.

Катя закрыла глаза.

Слишком поздно, Мария Семёновна.

Земля во дворе раскрылась шире.

Из трещины вышла синяя трава.

Мария Семёновна посмотрела на неё, выругалась так сухо и старчески, что Катя бы засмеялась, если бы могла.

Потом старуха положила на землю свою карту.

Не побежала.

Не закричала.

Просто встала на край и начала чертить линию рулеткой по асфальту, как будто перед ней был не разлом между мирами, а очередной участок, который кто-то криво сдал.

- Она закрывает его, - сказал Имран.

- Она не Эллер.

- Земля тоже начала платить.

Эта фраза была тихой.

И окончательной.

На лестнице рядом с Катей появилось новое число.

Два.

Один вдох был для Раисы.

Второй - для Марии Семёновны.

Счётчик не требовал сразу. Он предлагал выбор, в котором оба варианта уже принадлежали ему.

Катя разжала пальцы на груди Имрана.

- Нет.

Имран посмотрел на неё.

- Катя.

- Нет. Я не выберу, кого он запишет.

- Тогда он возьмёт сам.

- Пусть попробует.

Она взяла очки Марии Семёновны, надела их на себя и посмотрела вниз по лестнице.

Мир изменился.

Ступени исчезли. Вместо них перед ней раскрылась огромная тёмная поверхность, похожая на кожу планеты. На ней светились миллионы записей. И в самом центре, куда тянулись все красные нити, стояла сухая фигура без лица.

Не человек. Не тень.

Счёт.

Он поднял голову.

И Катя поняла, что он видит её впервые по-настоящему.

Глава 17. Карта под кожей

Счёт смотрел без глаз.

Катя поняла это не сразу. В первые секунды ей казалось, что на неё давит просто глубина: второй провал под домом матери, сырая темнота, запах старого бетона, глины и кухонного газа, который почему-то просачивался даже сюда, где трубы не должны были существовать. Потом давление стало точнее. Оно легло на веки, на горло, на ключ под кожей, на красную нить у запястья.

Кто-то считал её вдохи.

Не раз, два, три. Иначе. Сухо, без чисел, будто каждый вдох сразу превращался в строку в чужой книге.

Раиса стояла у края провала в домашнем халате, босая, с полотенцем в руках. Мокрый конец полотенца капал на линолеум. Капли падали вниз, исчезали в темноте и возвращались оттуда тихим металлическим звуком, словно ударились о крышку.

- Катя, - сказала мать.

Голос у неё был спокойный. От этого становилось хуже.

- Не подходи, - сказала Катя.

Имран уже был рядом. Он не трогал её. После последних дней это было почти большее прикосновения. Стоял на полшага сзади, так близко, что Катя чувствовала тепло его груди лопатками, и всё равно между ними оставался воздух, который никто не решался нарушить.

Провал под кухонным столом шёл вниз не шахтой. Он был слишком ровным, слишком чистым. Стены блестели, будто их не вырубали, а вылизывали мокрым языком. На глубине мерцали тонкие линии. Красные, синие, белые. Они ползли по камню, сходились, расходились, образуя рисунок, похожий на карту старых выработок.

Мария Семёновна опустила на колени прямо на пол.

- Не трогайте стол, - сказала она.

Старушка говорила так, будто речь шла не о провале в кухне, а о неправильно положенной папке в архиве. Серый кардиган был застёгнут на разные пуговицы, волосы торчали из-под платка, очки съехали к кончику носа. Она смотрела вниз без страха. С вниманием человека, который всю жизнь боялся пустот и наконец увидел одну честно.

- Вы это видите? - спросила Катя.

- Вижу, - ответила Мария Семёновна. - И очень не рада.

Раиса сделала шаг.

Катя резко подняла руку. Красная нить ожила. Натянулась между её пальцами и темной, тонкая, влажно светящаяся, как сосуд под кожей.

- Мам, стой.

- У меня на кухне дыра, - сказала Раиса. - Я имею право стоять где хочу.

- Нет.

Слово вышло слишком жёстким. Материнское лицо дрогнуло, но Раиса остановилась. В её глазах не было покорности. Только странная усталость: она наконец перестала делать вид, что дочь просто «попала в плохую историю».

Имран наклонился ближе к провалу. Синий свет из его повреждённой руки стал ярче. Культия мизинца, давно зажившая, снова выглядела свежей, будто кожа помнила огонь лучше тела.

- Это не вход, - сказал он.

- А что?

Он молчал.

Катя резко обернулась. Внутри мгновенно вспыхнула старая злость. Та самая, которая после третьей книги уже умела находить его молчание с закрытыми глазами.

- Имран.

Он посмотрел на неё. Лицо было грязное, уставшее, красивое той страшной красотой, которая не просит любоваться. Он стоял в маминой кухне среди табуреток, полотенец и старой клеёнки так, будто любая бытовая вещь могла стать оружием против него.

- Это запись, - сказал он наконец.

Мария Семёновна подняла голову.

- Чего запись?

- Цены.

В кухне стало так тихо, что слышно было, как в соседней комнате тикают настенные часы. Они всегда отставали на семь минут. Катя помнила это с детства. Семь минут - мелочь, бытовая неточность, вечная мамина лень заменить батарейку вовремя. Сейчас эти семь минут вдруг оказались чужим запасом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.